

Корни революционного фанатизма. Вопрос Феликса Эдмундовича Дзержинского

К. Блехарчик

Ягеллонский Университет в Кракове, Польша, Краков, ул. Богуславского 5/16 31-048

Для цитирования: Блехарчик К. Корни революционного фанатизма. Вопрос Феликса Эдмундовича Дзержинского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 249–257. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.208>

Статья отвечает на вопрос о корнях идеологического фанатизма Ф.Э.Дзержинского. Этот фанатизм, по мнению автора, обусловлен двумя факторами, повлиявшими на личность революционера. Первый фактор — это польские национально-освободительные традиции, второй — христианство. Революционная деятельность, склонность к страданиям, радикализм принципов работы, посвящение частной жизни общему благу были результатами воздействия польской романтической традиции. У Дзержинского можно также найти элементы российского революционного менталитета: веру в собственное призвание, убежденность в правильности личных идеалов, а также уверенность в легкости свержения актуальной общественной и государственной системы. Всю свою жизнь Дзержинский оставался под сильным влиянием католической веры, считая себя преемником «революционной» деятельности Христа, настоящим апостолом новой версии христианства. Использование религиозных символов для оправдания революции указывает на перенаправление чрезвычайно сильной религиозной энергии Дзержинского на земные цели: спасение человечества и построение нового порядка на осколках старого. Автор развивает мысль о том, что Дзержинский идентифицировал себя с мучеником революции, приносящим в жертву человечеству как свою жизнь, так и свою совесть. Противоречивые влияния польской и русской культуры породили эффект «смешанной» идентичности, который Дзержинский пытался излечить фанатизмом, героической работой и полным подчинением себя партии. Фанатичная личность, таким образом, являлась наиболее подходящей для формирования организации, состоящей из людей, способных пожертвовать всё, даже себя, для блага революции.

Ключевые слова: русская революция, революционные лидеры, большевистское движение, фанатизм, социализм, польский романтизм, Ф.Э.Дзержинский.

В этой статье я постараюсь ответить на вопрос о корнях революционного идеологического фанатизма Феликса Эдмундовича Дзержинского. Этот фанатизм, по моему мнению, связан с двумя факторами, повлиявшими на его личность. Первый — польские национально-освободительные традиции, второй — христианство. Эти две традиции культивировали беззаветную веру в историческое и религиозное призвание, а в соединении с русскими революционными идеями, и в частности с социалистической идеологией, породили культурный феномен романтического большевика. Противоречивые по своей природе влияния польской и российской культуры вызвали эффект «сбоя» идентичности, проявившийся в том, что Дзер-

---

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

жинский понимал себя как «революционного Христа». Он стал личностью, фанатически подчиненной делу социального переустройства мира. Этический максимализм как польской, так и российской революционной интеллигенции на рубеже XIX и XX столетий поддерживал в нем веру в собственное призвание, убежденность в правильности личных идеалов и радикализм принципов работы, а также уверенность в легкости свержения общественной и государственной системы. Все программы профессиональных революционеров характеризовались резкостью и призывами к бескомпромиссной борьбе со «злом». Л. Колаковский заметил, что все революционные идеологии представляют собой видоизмененный вариант мессианизма, предполагающий возможность смыть грехи человечества через кровавое, апокалиптическое крещение для абсолютного обновления мира [1, s. 325].

Предваряя свои идеи, отмечу, что в настоящей работе не использованы российские источники, касающиеся Дзержинского, так как одной из моих задач было познакомить российское научное сообщество именно с польскими исследованиями революции. Подчеркну, что это не преуменьшает научной ценности русскоязычных публикаций, я опираюсь на материалы польских авторов, поскольку рассматриваемая тема имеет польские корни.

Романтизм

Феликс Дзержинский родился в 1877 г. в имении Озеблово в Виленском крае. Его семью можно назвать скорее семьей интеллигентов, чем дворян. Отец, Эдмунд Дзержинский, преподавал математику и физику в Таганрогской и Вильнюсской гимназиях. После его смерти от туберкулеза в 1882 г. опорой семьи была мать, Хелена Дзержинская. В семье Дзержинских сохранялась актуальная память о январском восстании поляков. Родители заботились о патриотическом воспитании своих детей, которые росли на романтической поэзии и повстанческих песнях [2, s. 18]. Об особенной роли интеллигенции на польско-российских землях рубежа XIX–XX вв. пишет А. Валицкий: «Образование делало людей элитой, накладывало на них большую ответственность за судьбу страны. В Польше к этому надо добавить и задачу национального освобождения, но общей была ответственность за социальный прогресс. По тем же самым причинам вопрос национального лидерства оказался наиболее серьезным для самоощущения интеллигенции. Интеллигенцию и в Польше, и в России стали определять не через материальный статус или даже высшее образование... интеллигенция ставила себе этические задачи общественной реорганизации... С этой точки зрения интеллигент, поддерживающий царизм, не был интеллигентом» [3, s. 74]. В 1893–1894 гг. в гимназии молодой Феликс укрепил и проверил свои патриотизм и религиозность, присоединившись к молодежному просветительскому обществу антироссийского толка под названием «Сердце Иисуса», которым руководили Ромуальд Малецкий и Юзеф Баранович. Школьники изучали польскую литературу и историю, а также клялись «бить москаля до последнего дыхания». Адольф Варский, партийный товарищ Феликса, знавший его в молодости, вспоминает: «В VIII классе, на пороге университета он бросает гимназию, “в убеждении, что за верой идет ненужность промедления”. Он знает, что можно учиться... и вместе с тем вести социалистическую работу. Он знает, что так поступают другие. Но для него такой половинчатый выход — не по совести. Делу

рабочего класса нельзя посвятить себя наполовину, ему надо посвятить себя полностью, отдать всю душу, всю жизнь, все мысли, все силы» [4, s. 322].

Участники просветительских кружков, совместно занимаясь запрещенной деятельностью, чувствовали себя продолжателями романтической традиции, наследниками героических заговорщиков прошлого. Ключевой в жизни Дзержинского момент восхищения социализмом наступил после встречи со Станиславом Трусевичем, который приехал в Вильнюс для учреждения марксистской партии. Вскоре после смерти матери, испытывая чувство утраты, Дзержинский отказался от науки и решил стать «профессиональным революционером». М. Фиджес отмечает, что для большинства революционеров, имевших дворянские корни, привлекательность «дела» состояла не в потенциальном улучшении жизни масс, но в романтическом поиске единства, которое часто придавало вкус и смысл их жизни [5, s. 151]. Так и Дзержинский нашел в партийной деятельности единство с другими революционерами и пролетариатом. Он активно участвовал в рабочем движении: с 1900 г. в социал-демократических группах Польского Королевства и Литвы, а с 1906 г. — в большевистской партии. При этом Дзержинский провел 11 лет в царских тюрьмах и сибирских ссылках. Репрессии укрепили его в чувстве собственной исторической миссии, дали ощущение общности с другими политзаключенными, как социалистами, так и бывшими польскими повстанцами, которые в первой половине XIX в. пешком, в кандалах, пришли в Сибирь.

Как отмечает М. Хростэк, вторую половину XIX столетия характеризовало нарастающее беззаконие в отношениях к политзаключенным, в тюрьмах все чаще применялось физическое насилие и даже пытки. Благоприятствовали этому некомпетентность служащих, незнание уголовных законов и полный произвол в толковании кодексов [6, s. 31]. Из-за преследований и жестокого давления, которым подвергались подсудимые во время следствия, они закалялись как борцы. Парадоксально, но, именно отправляя угнетенных в тюрьму, царская власть показывала им, в чем заключается их сила. В тюрьмах отстаивались идеи, бойцы созревали для более эффективной подпольной борьбы, по крайней мере, вырабатывали своеобразную жизнестойкость, которая будет важна для них и в дальнейшем — на свободе [6, s. 108].

Со временем Дзержинский все больше утрачивал связь с действительностью, которую он все меньше понимал. Его идеологический фанатизм становился целеустремленным, а обусловленная традицией польского романтизма склонность к мученичеству проявлялась все сильнее. В своем дневнике в 1908 г. он записал: «Тюрьма привела только к тому, что дело стало для меня чем-то уловимым, реальным, как дитя для матери — кровью и телом, под сердцем ношенным. Тюрьма отняла у меня много, страшно много, не только обычные условия жизни, без которой человек становится несчастным, но и способность пользоваться этими условиями дальше, способность плодотворного умственного труда, потому что столько лет тюрьмы, чаще всего в одиночных камерах, не могли пройти бесследно. Но когда в моем сознании, в душе, проявляется то, что отобрала тюрьма и что она мне дала... я знаю ведь, что не проклинаю ни моей судьбы, ни долгих лет моей тюрьмы. Они нужны, чтобы разбить ту величайшую тюрьму, которая находится вне этих стен» [7, s. 67].

Поляки принимали активное участие в российском революционном движении, начиная с 70-х годов XIX в. После поражения январского восстания 1863 г. многие из них увлеклись народническими идеями. Во время первого хождения в народ среди осужденных оказалось 46 поляков, они составляли 20 % всех осужденных народников. Поляки также были в числе террористов: например, царя Александра II убил Александр Гриневицкий. Они становились не только бойцами за независимость своего народа, но также профессиональными революционерами, которых отличали: фанатическая преданность «делу», идеализм, догматизм, мученические и мессианские склонности и невысокое образование. Об этом специфическом явлении пишет М. Хростэк: «В этос революционера был также вписан бунт, но соединенный с жертвенническим подходом и полной самоотверженностью. Измученные в тюрьмах и казненные на виселицах, они принимали свое безвестное мученичество, знали, что от этого героизма славы не будет, а если пожизненно протестовали против навязанных уз, проявлялось это в бескомпромиссной жизни и вере, что в будущем народ отомстит за их страдания» [6, s. 168]. В общественном сознании такое положение укрепила художественная литература через стереотип заговорщика «без страха и упрека». Заговорщики, с которых брали пример целые поколения, — это мученики, убежденные, что они останутся в памяти последующих поколений.

Молодой Дзержинский также хотел остаться в памяти потомков, поэтому, находясь в Варшавской Цитадели в 1908–1909 гг., он писал свой «Дневник заключенного», который вывезли из тюрьмы контрабандой и издали в «Социал-демократическом обзоре». Позднее он писал о дневнике в письме к Сабину Ференштайну с Капри: «Дневник мой только ли документ моей души, или в нем заключена надежная сила, которая способна разбудить жажду действия и борьбы, понять красоту и могущество нашей мысли и борьбу наших бойцов?» [8, s. 229]. Записи о тюремных перипетиях были широко распространенной среди заключенных поляков на протяжении всего XIX в. практикой. Эти записи обладали исключительной исторической ценностью. Важной была и их консолидационная роль: пробуждение национального или идеологического сознания. Дневники также как будто устраняли символическую преграду между тюрьмой и обществом: свободные люди могли сочувствовать бойцам за независимость отечества и воспринимать их как героев вопреки официальному дискурсу царской власти [9, s. 61]. Идентификация с российским революционным движением и польскими ссыльными часто вела к построению определенной идентичности. По мнению многих исследователей, польские социалисты охотно окружали себя ореолом важности и тайны, имели склонность к пышным фразам и пустым словам, на которых строилась их риторика [10, s. 194].

Некоторые записки Дзержинского носят характер запечатленных видений или снов наяву. Хростэк отмечает, что это типичное явление для заключенных, которые долго пребывали в изоляторах. Отдельные камеры, использовавшиеся в основном на этапе следствия, были более гигиеничными, но роковым образом влияли на психику узников. Изоляция, часто соединенная с темнотой, вела временами к галлюцинациям, вызывала мании и даже суицидальные наклонности. Во второй половине XIX и в начале XX в. все заключенные страдали нервными расстройствами и своеобразной раздражительностью, сопровождавшейся сильными изменениями настроения [6, s. 36]. Трудные тюремные условия, непрекращающийся надзор, ре-

визии, страх перед боями и истязаниями, страх за судьбу родственников — вот только некоторые факторы, негативно влиявшие на психику заключенных. Частые нервные срывы, именуемые тюремным неврозом, случались у множества бывших узников даже на свободе. Надо помнить, что в те времена не существовало понятия перевоспитания, помогающего бывшим заключенным в социальной адаптации. После выхода на свободу человек мучился в одиночку со своими переживаниями и вынужден был приспосабливаться к новым условиям.

Можно здесь согласиться с Д. Рэйфилдом, который заметил, что у Дзержинского в течение всей жизни ощущалась маниакальная привязанность к рыцарству, даже в то время, когда он действовал беспощадно и хладнокровно. За годы тюрем и ссылки он стал далек от нормальной жизни, которой уже не понимал, и воплощал принципы Маркса и Ленина так же наивно, как он приспособил польский романтизм к своей личной жизни [11, s. 68].

Религия

Рубеж XIX–XX вв. в российской культуре — это время религиозного ренессанса, неохристианства, *богоискательства*. Этот период определяло усиленное желание оживить религиозную жизнь страны через внесение элементов различных религий, развитие сект, возникновение футурологических картин мира, преобразованного человеком, в том числе через социализм. Поддержанное Лениным течение российского марксизма несет на себе печать эсхатологических тенденций в среде социалистической интеллигенции. Другой тенденцией, свойственной этому периоду, было новое толкование и часто депривация Иисуса Христа, что проявилось не только в философии, но также и в искусстве [12, s. 43].

Социал-демократы и социалисты часто искали в коммунизме христианские корни: религиозную идеологию преобразовывали в социалистическую теорию далекого прошлого [13, s. 13]. По мнению М. Абасэй, происходил духовный конфликт между религиозным идеалом и материалистической парадигмой: сознание революционеров было раздираемо многочисленными противоречиями. Народ вместо Бога, общественный прогресс взамен религии — это основы утопического мышления [14, s. 19]. А. Варский так вспоминает Дзержинского: «Прежде чем он стал марксистом, он был глубоко верующим католиком. Ему было недостаточно, однако, того, что он верил сам. Свою веру он хотел вживить в души всех людей, для этого решил стать священником, что для него означало быть агитатором и бойцом католической Церкви. Когда же он стал социалистом — вся его будущая жизнь уже была определена этим настроением» [7, s. 321]. Надо обратить внимание на ленинскую концепцию партии и связанную с ней модель революционера-миссионера. Р. Аймос сравнивает момент возникновения большевистской партии с учреждением первичной христианской общины, а марксистскую идеологию — с гностической верой, которую оберегает элитарный круг приверженцев [15, s. 78–79]. Большевистская партия именовала себя институциональным воплощением марксизма — большевики были гарантами взнуздания опасной стихии масс и эмпирическим обоснованием теоретических идей, которые проповедовали. Их роль просветителей и духовных проводников сближает большевистское движение с религиозным орденом. Его участники целиком и полностью принадлежали партии. Обязательными были

монашеская дисциплина, соблюдение канонов в речи и поступках, полная отдача и самоотверженность. По мнению М. Кула, эти явления типичны для миссионерского движения, имманентное качество которого — стремление к отчуждению от общества при одновременном стремлении к действию в нем [16, s. 55].

Уже как профессиональный революционер Дзержинский писал в 1901 г. своей сестре Альдоне: «Я — христианин и я хочу им быть страшно, и мало же я умел им быть! Я хочу объять все человечество своею любовью, согреть его и смыть его грязь; я бы так хотел любить его, как Христос полюбил, и нести тот тяжелый крест, который он нес, и пить из той чаши, из которой он пил, и чувствовать, что в моем сердце нет ничего, кроме этой божественной Любви и ненависти к сатанинскому царству» [19, s. 80]. Надо подчеркнуть, что даже в послереволюционные годы Феликс Эдмундович считал себя христианином. Е. Латка замечает, что период заключения, которое использовалось для поддержания мифа о нем как о мученике, приблизил его к своеобразной интерпретации христианства: он считал себя преемником «революционной» деятельности Христа, настоящим апостолом новой, лучшей версии христианства. Биограф ссылается на разговор Дзержинского с католическим священником о. Мечковским в 1920 г. в Вышкове: по мнению Дзержинского, Христос был первым революционером и отдал жизнь для революции, а Церковь извращает его идеи о свободной воле, которой не существует [2, s. 183]. Можно сказать, что использование религиозных символов для оправдания революции указывает на направление религиозной энергии на земные цели. Спасти человечество и построить новый порядок на пепелище старого мира Дзержинский хотел путем разрушения, но без Христовой жертвы на кресте.

По словам А. Синявского, Дзержинский в марксистско-ленинской мифологии являлся «Христом революции», потому что принял на себя все грехи ЧК для установления социалистического рая на земле: «Очень важный вид морали заключается в том, чтобы отдать себя целиком на службу идее и обществу, пресечь для пользы дела всякие мыслимые границы индивидуальных или общечеловеческих ценностей. В этом смысле Дзержинский принял на себя функцию главного палача, стал священным героем и воплощением доброты. Роль палача не уменьшает, но подчеркивает его моральный статус. Потому что Дзержинский сложил на алтарь революции не только жизнь, но и совесть и чистоту души» [18, с. 181]. Идеал христианской любви совместился у него с делом разрушения, материалистическая парадигма действительности — с духовным органическим принципом, а примитивные мотивы начали оправдываться возвышенными идеями. Дзержинский не только принял на себя грехи ЧК, жертвуя спокойствием совести, но был также своеобразным ангелом мести, наказывающим царскую систему за все страдания, которые претерпели в тюрьме он и тысячи его товарищей.

Колаковски вспоминает, что связь революции с христианством проистекает из общей для обоих явлений идеи тотального спасения. Христианство целиком организовано вокруг наступающего апокалипсиса, который вынуждает делать выбор между царством небесным и царством зла. Идея «все или ничто», тотальное спасение или тотальное искушение, является конструктивной чертой христианской доктрины. Это также очень значимая черта революционного менталитета: вера в возможность тотального спасения в абсолютной оппозиции к присутствующей неволе. Кроме того, это тотальное спасение — лучшая самобытная цель челове-

ства, а всякие другие ценности ей подчинены [1, s. 307]. Страдание и труд — неотъемлемая часть пути к спасению, которым шел Дзержинский. Можно заметить, что в послереволюционной литературе понятия «жертва» и «палач» поменялись местами: тот, кто убивает, считается жертвой, потому что выполняет тяжелую, грязную, неприятную работу для счастья всего человечества; тот, кого убивают, виновен вдвойне: во-первых, тем, что стоит на пути к общему счастью, во-вторых, тем, что заставляет убивать [19, s. 97]. Этот парадокс объясняет образ Дзержинского как «юродивого» революции, который взял на свои плечи бремя убийства, а социализм простил его грехи. Он рассчитывал на оправдание потомками в справедливом будущем.

Заключение

Аргументы, приведенные выше, показывают, как польские национально-освободительные традиции и католицизм сформировали человека, который привлекал к себе тысячи верных последователей. Его романтический большевизм, чуждый крайне рационалистическому марксизму, был замешан на рыцарском этосе, что, по моему мнению, стало необходимым для проведения красного террора. Многократно повторяемый историками тезис, согласно которому Дзержинский возглавил советские карательные органы только потому, что полжизни провел в царских тюрьмах, кажется недостаточным. В целом можно констатировать, что именно фанатический тип личности был релевантным для формирования организации, состоящей из людей, способных пожертвовать ради революции всем, даже собой.

Литература

1. *Kołąkowski L.* Czy diabeł może być zbawiony i 27 innych kazań. Kraków: Znak, 2006. 480 s.
2. *Łątka J.* Krwawy Apostoł. Kraków: Towarzystwo Przyjaciół Turcji, 1993. 197 s.
3. *Walicki A.* O inteligencji, liberalizmach i o Rosji. Kraków: Universitas, 2007. 416 s.
4. *Warski A.* Towarzysz Józef. Wspomnienia o Feliksie Dzierżyńskim. Warszawa: Książka i Wiedza, 1977. 383 s.
5. *Figes O.* Tragedia narodu. Rewolucja rosyjska 1891–1924 / transl. Beata Hrycak. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 2009. 921 s.
6. *Chrostek M.* „Jeśli zapomnę o nich...”. Powikłane losy polskich więźniów politycznych pod zaborem rosyjskim. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2009. 424 s.
7. *Dzierżyński F.* Pamiętnik więźnia. Warszawa: Książka i Wiedza, 1951. 100 s.
8. *Ochmański J.* Feliks Dzierżyński. Wrocław: Ossolineum, 1987. 244 s.
9. *Piwińska M.* Więzień. Sztuka i życie praktyczne // Style zachowań romantycznych. Propozycje i dyskusje sympozjum Warszawa 6–7 grudnia 1982 r. / pod red. M. Janion i M. Zielińskiej. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1986. S. 56–85.
10. *Brus A., Kaczyńska E., Śliwowska W.* Zesłanie i katorgia na Syberii w dziejach Polaków 1815–1914. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992. 438 s.
11. *Rayfield D.* Stalin i jego oprawcy. Szefowie stalinowskiej bezpieki / transl. Sławomir Kedzierski and Ewa Skórska. Warszawa: Amber, 2009. 464 s.
12. *Dudek A.* Rosyjskie poszukiwania nowej świadomości religijnej na przełomie XIX i XX wieku // Życie religijne i duchowość współczesnych Słowian. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2002. S. 33–50.
13. *Andrusiewicz A.* Cywilizacja rosyjska. Warszawa: Książka i Wiedza, 2009. Vol. 3. 976 s.
14. *Abassy M.* Inteligencja i kultura. O problemach samoidentyfikacji dziewiętnastowiecznej inteligencji rosyjskiej. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2008. 278 s.
15. *Imos R.* Wiara człowieka radzieckiego. Kraków: Zakład Wydawniczy „Nomos”, 2007. 438 s.
16. *Kula M.* Religiopodobny komunizm. Kraków: Zakład Wydawniczy „Nomos”, 2003. 181 s.

17. *Frołow S. Dzierżyński. Miłość i rewolucja*. Kraków: Znak, 2014. 352 s.
18. *Синявский А. Основы советской цивилизации*. М.: Аграф, 2002. 464 с.
19. *Heller M. Maszyna i śrubki. Jak hartował się człowiek sowiecki*. Warszawa; Kraków: Instytut Książki, Dział Wydawnictw, 2015. 288 s.

Статья поступила в редакцию 9 февраля 2018 г;
рекомендована в печать 22 февраля 2018 г.

Контактная информация:

Karolina Blecharczyk — аспирант; karolina.blecharczyk@o2.pl

Origins of revolutionary fanaticism. Faith issue of Feliks Dzerzhinsky

Karolina Blecharczyk

Jagiellonian University in Cracow. Address: Bogusławskiego 5/16 31-048 Cracow, Poland

For citation: Blecharczyk K. Origins of revolutionary fanaticism. Faith issue of Feliks Dzerzhinsky. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2018, vol. 11, issue 2, pp. 249–257. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.208>

This paper explores the case of origins Felix Dzerzhinsky's ideological fanaticism: Polish national insurgent tradition and Christianity as the factors which had the most important influence on his personality. Revolutionary activity, martyrdom, radicalism and even writing the diary are the symptoms of Polish romantic influences that were implemented by his upbringing and education. Also, some elements of his mentality, like faith in the personal and worldwide mission, the strong maximalist belief in his ideas rectitude and fast social or state abolishment are connected to Russian radical intelligentsia. Dzerzhinsky has the vision of himself as the only practical continuator of Jesus Christ revolutionary teaching. In his interpretation, he was a real Apostol of new Christian faith — socialism. Redirection of religious energy from the higher goals to material reality led to the vision of common happiness build in the way of destruction. Because he sacrificed his entire life and conscience for old world burning, Dzerzhinsky started to consider himself as “Christ of the Revolution”. This symbol was needed to establish an organization of Bolsheviks who were able to the same immolation in the time of the Red Terror. Those contrary influences of Polish and Russian culture are the reason of Felix Dzerzhinsky's personality disintegration that he tried to cure by subordination to the party, heroic devotion to work and fanaticism.

Keywords: Russian Revolution, Felix Dzerzhinsky, fanaticism, Bolshevism, Polish romanticism, socialism.

References

1. Kołakowski L. *Czy diabeł może być zbawiony i 27 innych kazań* [Whether the Devil Can Be Saved and 27 Other Sermons]. Cracow, Znak, 2006. 480 p. (In Polish)
2. Łątka J. *Krwawy Apostoł* [Bloody Apostle]. Cracow, Towarzystwo Przyjaciół Turcji, 1993. 197 p. (In Polish)
3. Walicki A. *O inteligencji, liberalizmach i o Rosji* [About the Intelligence, Liberalisms and about Russia]. Cracow, Universitas, 2007. 416 p. (In Polish)
4. Warski A. *Towarzysz Józef. Wspomnienia o Feliksie Dzierżyńskim* [Comarade Jozeph. Felix Dzerzhinski in Memories]. Warsaw, Książka i Wiedza, 1977. 383 p. (In Polish)
5. Figes O. *Tragedia narodu. Rewolucja rosyjska 1891–1924* [A People's Tragedy]. Transl. Beata Hrycak. Wrocław, Wydawnictwo Dolnośląskie, 2009. 921 p. (In Polish)

6. Chrostek M. „Jeśli zapomnę o nich...”. Powikłane losy polskich więźniów politycznych pod zaborem rosyjskim [„If I Will Forget About Them...”. Tangled Fortunes of Polish Political Prisoners Under the Russian Annexed Territory]. Cracow, Księgarnia Akademicka, 2009. 424 p. (In Polish)
7. Dzierżyński F. Pamiętnik więźnia [The Prisoner's Diary]. Warsaw, Książka i Wiedza, 1951. 100 p. (In Polish)
8. Ochmański J. Feliks Dzierżyński [Felix Dzerzhinsky]. Wrocław, Ossolineum, 1987. 244 p. (In Polish)
9. Piwińska M. Więzień. Sztuka i życie praktyczne [Prisoner. The art and the practical life]. Style zachowań romantycznych. Propozycje i dyskusje symposium Warszawa 6–7 grudnia 1982 r. [Styles of Romantic Behaviours. Proposals and Discussions of the Conference in Warsaw 6–7 of December 1982], ed. by M. Janion and M. Zielińska. Warsaw, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1986, pp. 56–85.
10. Brus A., Kaczyńska E., Śliwowska W. Zesłanie i katorka na Syberii w dziejach Polaków 1815-1914 [Exile and Torment on Siberia in the History of Poles]. Warsaw, Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992. 438 p. (In Polish)
11. Rayfield D. Stalin i jego oprawcy. Szefowie stalinowskiej bezpieki [Stalin and His Hangmen. The Tyrant and Those Who Killed for Him], transl. Sławomir Kedzierski and Ewa Skórska. Warsaw, Amber, 2009. 464 p. (In Polish)
12. Dudek A. Rosyjskie poszukiwania nowej świadomości religijnej na przełomie XIX i XX wieku [Russian Search of the Religious Recent Awareness at the Turn of the 19th and 20th Centuries]. Życie religijne i duchowość współczesnych Słowian [The Religious Life and the Spirituality of Contemporary Slavs]. Cracow, Polska Akademia Umiejętności, 2002, pp. 33–50. (In Polish)
13. Andrusiewicz A. Cywilizacja rosyjska [The Russian Civilization]. Vol. 3. Warsaw, Wydawnictwo „Książka i Wiedza”, 2009. 976 p. (In Polish)
14. Abassy M. Inteligencja i kultura. O problemach samoidentyfikacji dziewiętnastowiecznej inteligencji rosyjskiej [The Intelligentsia and Culture. Self-Identification Problems of the 19th Century Intelligentsia]. Cracow, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2008. 278 p. (In Polish)
15. Imos R. Wiara człowieka radzieckiego [Homo Sovieticus' Faith]. Cracow, Zakład Wydawniczy „Nomos”, 2007. 438 p. (In Polish)
16. Kula M. Religiopodobny komunizm [Semi-religious Communism]. Cracow, Zakład Wydawniczy „Nomos”, 2003. 181 p. (In Polish)
17. Prołow S. Dzierżyński. Miłość i rewolucja [Dzerzhinsky. Love and the Revolution]. Cracow, Znak, 2014. 352 p. (In Polish)
18. Siniavskii A. Osnovy sovetskoi tsivilizatsii [Bases of the Russian Civilization]. Moscow, Agraf Publ., 2002. 464 p. (In Russian)
19. Heller M. Maszyna i śrubki. Jak hartował się człowiek sowiecki [The Machine and Screws. How the Soviet Man Was Built up in His Resistance]. Warsaw; Cracow, Instytut Książki, Dział Wydawnictw, 2015. 288 p. (In Polish)

Author's information:

Karolina Blecharczyk — PhD candidate; karolina.blecharczyk@o2.pl